

Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Под редакцией начальника ЮТАКЭ профессора М. Е. Массона. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VII, Ашхабад. 1956, 460 стр.

Выход в свет седьмого тома Трудов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) — важное событие в археологии не только Средней Азии, но и ряда смежных областей СССР. В книге изложены результаты многолетних работ советских археологов в Южной Туркмении и юго-западном Прикаспии. С выходом в свет рецензируемого сборника археологи получили хороший справочник по археологии первобытного периода в Южной Туркмении, отражающий современные достижения в этой области и заменивший, наконец, устаревшее двухтомное издание Пампелли¹. Сборник делится на две, примерно равные, части; первая посвящена изучению материалов пещерного поселения неолитических охотников и рыболовов в районе Красноводска, вторая — преимущественно исследованию памятников эпохи энеолита и бронзового века подгорной полосы Копет-Дага.

Сборник открывается большой статьей А. П. Окладникова «Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении», являющейся подробной публикацией материалов многослойного пещерного поселения Джебел, раскопанного отрядом ЮТАКЭ под руководством автора статьи в 1949—1950 гг. Значение этого впервые найденного на территории Средней Азии многослойного памятника культуры охотников и рыболовов, основные слои которого относятся к эпохе неолита, трудно переоценить, если учесть, что подавляющее большинство известных нам дюнных стоянок эпохи неолита и энеолита разрушено и датировка их материалов крайне затруднена.

В статье дано подробное послыное описание материала десяти слоев, прослеженных А. П. Окладниковым в процессе раскопок трехметровых культурных отложений пещеры. Статья снабжена большим количеством рисунков (изделия из камня, раковинные украшения, керамика). Заключительная часть статьи посвящена культурно-стратиграфической характеристике наслоений пещеры, относительной и абсолютной датировке культурных комплексов. Значительную ценность представляет сводная статистическая таблица, показывающая количество и соотношение различных типов изделий из разных слоев пещеры. Дополнением к ней служит сводная послыная таблица рисунков.

Мы не будем останавливаться на первой части статьи А. П. Окладникова; подробное описание автором находок, удачно дополненное сводными таблицами, дает исчерпывающее представление о материалах отдельных комплексов пещеры². Рассмотрим подробнее заключительные разделы статьи.

Для обоснования абсолютной датировки комплексов пещеры, особенно верхних, А. П. Окладников привлекает широкий сравнительный материал доземледельческих и раннеземледельческих памятников Юга, а также ряд неолитических и энеолитических стоянок севера Средней Азии и Казахстана. Автор датирует материал 1—3-го слоев пещеры III — началом II тысячелетия до н. э., 4-й слой — IV тысячелетием до н. э., 5-й слой, с которым он связывает начало гончарства, — V тысячелетием до н. э. (стр. 204—209). Нижние слои пещеры А. П. Окладников относит к заключительному этапу мезолита (стр. 197—198). Древнейшее население пещеры, как показывает материал нижних культурных слоев, занималось рыболовством и охотой. Имеются основания для предположения, что некоторые кости из 4-го и 3-го слоев принадлежат домашней козе³. Как предполагает А. П. Окладников, обитатели трех верхних слоев пещеры были, возможно, и земледельцами.

Предлагаемая автором абсолютная датировка некоторых комплексов пещеры вызывает значительные сомнения. Остановимся прежде всего на датировке 4-го слоя.

Автор проводит сопоставление наконечников стрел из 4-го слоя с наконечниками ряда ближневосточных памятников. Датировка слоя, основанная на сделанных из этого сопоставления выводах, вряд ли убедительна.

¹ См. R. P u m p e l l y, *Explorations in Turkestan*, тт. I—II, Washington, 1908.

² Сделаем только несколько небольших замечаний. Изделие, описанное на стр. 32—33 (рис. 13,4) и происходящее из 1-го слоя, на наш взгляд, не что иное, как обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы, асимметричного, с боковой выемкой — типа, широко распространенного на энеолитических стоянках Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, а не вкладное лезвие для орудий составного типа, как предполагает автор. По-видимому, обломком подобного наконечника является и изделие, изображенное на рис. 87,3 (слой 5a). Текст описания местами небрежно отредактирован, не выверены сноски на иллюстративный материал. Описание вещей в тексте не везде соответствует подписи под рисунком (на стр. 27 описаны отжимники, а в подписи под рис. 11,4—5, к которому отсылает автор, стоит — «отбойники»); указанное в тексте количество изделий не всегда сходится с соответствующей цифрой в статистической таблице (на стр. 196 — два скребка на широких пластинах, а в таблице — три). Не на всех таблицах проставлены все порядковые номера рисунков: рис. 24, 26, 29, 31 (в тексте опечатка: рис. 13), 62, 65, 76 и др. Во всем тексте большое количество опечаток.

³ См. статью В. И. Цалкина «Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела...» в рецензируемом сборнике (стр. 221).

Описанные на стр. 95—97 наконечники стрел, происходящие из 4-го слоя, за исключением хорошего наконечника кельтеминарского типа, маловыразительны (они представлены либо обломками, либо не закончены в обработке). Предлагаемая автором датировка 4-го слоя IV тысячелетием до н. э. основана главным образом на южных аналогиях (Тепе-Гиссар I, Персеполь, Гелль-Хассуна и др.) черешковому наконечнику стрелы, сделанному из ножевидной пластины, и незаконченному в обработке. Однако, исходя из факта, что подобный наконечник — единственный в материалах 4-го слоя и имеет лишь общее сходство с наконечниками из Персеполя и Тепе-Гиссара, более правомерно рассматривать его как пережиток древней микролитной техники. Длительное переживание ранних форм изделий из кремня вообще очень характерно для инвентаря многих неолитических стоянок севера Средней Азии.

Доказательством этого являются и совершенно аналогичной формы обломки двух наконечников из комплекса стоянки Джанбас-4⁴, близкой территориально Джебелу и хорошо документированной раскопками, материал которой, в особенности керамика, не позволяет датировать ее ранее конца IV тысячелетия до н. э.

Следует отметить, что 4-й слой дал два двусторонне обработанных наконечника (стр. 95—97, 194, 199), которые позволяют сближать этот комплекс с материалом лежащих выше слоев и в конечном итоге решают датировку комплекса. Южные аналогии этим наконечникам, как отмечает сам автор, относятся в основном уже к III тысячелетию до н. э. (стр. 205).

В связи с датировкой 4-го слоя пещеры заслуживает внимания вопрос о керамике, которая представлена различным количеством обломков в материалах всех слоев пещеры, за исключением нижнего, 8-го слоя. Связывая начало гончарства у обитателей пещеры лишь с 5-м слоем, автор объясняет наличие керамики в слоях 5а, 5—6-м, 6-м и 7-м проникновением ее из лежащих выше слоев. Можно допустить факт проникновения одного черепка в 7-й слой, однако трудно согласиться с предположением А. П. Окладникова о проникновении сверху в слой 5а, 5—6-й и 5-й слой 17, а в 4-й слой — 11 черепков. В связи с предположением автора, большой интерес представляли бы схемы расположения фрагментов керамики по поверхности отдельных слоев пещеры. Скопление их в одном месте или расположение у стенок пещеры в какой-то мере оправдало бы эти предположения. Однако такого материала, к сожалению, не приведено. Если же принять предположение автора о проникновении в нижние слои 28 черепков, то, естественно, возникает вопрос: можно ли принимать кремневый инвентарь каждого слоя за комплекс, так как совершенно ясно, что мелкие кремневые изделия имеют благодаря своим размерам большую, чем керамика, возможность проникновения в нижние слои по норкам грызунов и трещинам в культурном слое? Все это не позволяет нам согласиться с предположением А. П. Окладникова и дает основание рассматривать комплекс керамики из 4-го слоя как находившийся *in situ*. Эта керамика ставит датировку слоя на более прочную основу. Дело в том, что среди обнаруженных в слое черепков имеется четыре фрагмента черной лощеной керамики (стр. 109), о которых А. П. Окладников пишет: «Самые ранние образцы такой керамики имеются в основании культурной толщи холма (Шах-Тепе.— А. В., М. И), в слое третьем, который Т. Арне относит к концу четвертого тысячелетия до н. э. (около 3200 л. до н. э.)» (стр. 204). Таким образом, наиболее ранней датировкой, которую можно допустить для комплекса находок из 4-го слоя является конец IV тысячелетия до н. э. Нам представляется более вероятным датировать комплекс концом IV — началом III тысячелетия до н. э.

Рассматривая материалы 3-го и 4-го слоев пещеры, А. П. Окладников делает вывод, что «в стратиграфической шкале Джебела находки со стоянки Джанбас-кала № 4... всего вероятнее можно поместить на уровне не четвертого, а более позднего, третьего сверху слоя, или, самое большее, на грани третьего и четвертого слоев» (стр. 209).

Мы не можем согласиться с предлагаемой автором статьи синхронизацией стоянки Джанбас-4 с 3-м слоем Джебела, основанной в значительной мере на явном недоразумении. Автор ошибочно предполагает наличие якобы в материалах стоянки Джанбас-4 наконечников стрел ромбической и подтреугольной формы, ссылаясь при этом на таблицу в книге С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации»⁵ (стр. 209). Такие наконечники действительно изображены на этой таблице, но они происходят, как это и указано в подписи под таблицей, не со стоянки Джанбас-4, а со стоянки Джанбас-14⁶ — стоянки более поздней, относящейся к позднему этапу кельтеминарской культуры. Что касается остальных типов инвентаря, то можно говорить о большом сходстве, а в ряде случаев и об идентичности следующих изделий стоянки Джанбас-4 и 4-го слоя Джебела: 1) ножевидных пластин с боковыми асимметричными выемками; 2) ножевидных пластин с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом; 3) проколов на ножевидных пластинках; 4) наконечников стрел кельтеминарского типа; 5) большинства типов скребков концевых и на отщепях;

⁴ Коллекция хранится в ГИМ, инв. номер этих изделий 5063, 5064.

⁵ См. С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М., 1948.

⁶ Там же, стр. 70, рис. 18,а.

6) нуклеусов (так называемых односторонних нуклеусов)⁷. К этим типам относятся все изделия из кремня, наиболее характерные как для 4-го слоя Джебела, так и для стоянки Джанбас-4.

В лежащих выше слоях пещеры, в частности в 3-м слое если и встречаются некоторые изделия, принадлежащие к перечисленным типам, то они уже не составляют сколько-нибудь значительных серий.

Что касается абсолютных датировок, предлагаемых А. П. Окладниковым для лежащих ниже слоев пещеры и основанных на общем сходстве характера инвентаря этих слоев и ряда территориально отдаленных переднеазиатских памятников, то для проведения радиокарбонного анализа органических остатков они не могут считаться сколько-нибудь твердо установленными. Приводимый автором в качестве аналогий материал ряда южных памятников может быть использован для датировок очень ограниченно, так как хронологический диапазон его исключительно широк, а отмечаемое автором общее сходство инвентаря действительно может быть объяснено «единством исходной для тех и других позднелепестчатой капсийской культуры» (стр. 213).

Большой интерес представляют выводы культурно-исторического плана, сделанные автором в связи с изучением материалов пещеры. Можно полностью с ним согласиться, что неолитические племена Прикаспия (можно добавить — а также Южного Приаралья и Верхнего Узбоя) «при всем бесспорном своеобразии их культуры и образа жизни, имели много общего в культуре именно с земледельческими племенами классического Востока и соседних земледельческих центров Ирана и Средней Азии» (стр. 213). Такую общность А. П. Окладников справедливо объясняет единым истоком этих культур — позднелепестчатой капсийской культурой и, возможно, проникновением на север племен, этнически родственных населению тех или иных южных районов. Учитывая существенные различия в керамике джебельской и раннекельтеминарской, можно согласиться с высказыванием автора о том, что в основе культур кельтеминарской и типа Джебела лежат две (хотя несомненно и родственные) ветви южной микролитической культуры.

Однако не со всеми выводами А. П. Окладникова мы можем согласиться. В заключительной части статьи он специально останавливается на вопросе о характере отношений прикаспийских и приаральских племен — «носителей микролитической культуры древних капсийцев» — с племенами, обитавшими дальше на север. Вопрос о северных связях приаральских племен, поставленный в свое время С. П. Толстовым и С. В. Киселевым, получил в последнее время более детальную разработку в книге В. Н. Чернецова «Древняя история Нижнего Приобья»⁸. А. П. Окладников, основываясь на данных В. Н. Чернецова, в частности на выявленной последним общности элементов узора и орнаментальных композиций кельтеминарской и нижнеобской неолитической керамики, приходит к совершенно незаконному, по нашему мнению, выводу, что многие, основные для раннекельтеминарской керамики мотивы орнамента являются результатом влияния «лесных уральских и западносибирских племен на обитателей Приаралья, но ни в коем случае не могут служить примером обратного влияния — с юга на север» (стр. 214). Но сравнительное изучение орнаментики раннекельтеминарской керамики и расписной керамики Юга не дает оснований для категорического утверждения, что все общие для кельтеминарского и нижнеобского орнамента признаки «свойственны именно культурам лесной полосы Западной Сибири и Приуралья, но не степным и, конечно, не древнеземледельческим культурам Средней Азии» (стр. 214). Очень многие орнаментальные мотивы раннекельтеминарской керамики, в том числе и те, на которые указывает А. П. Окладников, имеют достаточно близкие аналогии в росписи южной керамики, в частности южнотуркменистанской⁹. Это изучение показывает также, что наблюдаемое сходство наиболее вероятно можно объяснить южным влиянием или проникновением отдельных этнических групп с юга в Приаралье и далее на север и северо-восток.

⁷ Сравни, например:

А. П. Окладников, Пещера Джебел, . . . стр. 81—96

А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, «Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 28

Номера рисунков

51	3, 6 — 8
54, 2 — 4	3, 3 — 5, 14 — 15
55	3, 11 — 13
56	3, 1 — 2
52 — 53	3, 18 — 21
48, 5 — 7	3, 28 — 31

⁸ См. В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), 35, 1953.

⁹ См. А. В. Виноградов, Указ. раб.; В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 47—48.

К статье А. П. Окладникова примыкают три небольшие статьи, посвященные изучению фауны из раскопок в Джебеле (В. И. Цалкина «Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым»); технологическому исследованию керамики (А. Н. Августиник, Б. Н. Барановой «Технологическая характеристика черепков Джебела») и кремневых орудий (В. Г. Ивановой, А. З. Григорьевой «Описание следов сработанности, обнаруженных под микроскопом, на кремневых орудиях из пещеры Джебел»). Все три статьи дают интересный материал, дополняющий наши представления о культуре и образе жизни населения, оставившего этот замечательный археологический памятник. К сожалению, в сборнике нет сообщения о результатах определения раковин (раковинных украшений найдено в пещере около 50) — ценнейшего материала для изучения культуры и культурных связей древнего населения.

* *
*

Вторая половина книги посвящена изучению древней истории Южной и Юго-Западной Туркмении. Подгорная полоса на юго-западе Туркмении, как известно, являлась древнейшим земледельческим центром на территории СССР, и именно здесь, после проведения больших археологических работ, можно было ожидать получения данных, которые пролили бы новый свет на историю племен, населявших этот район в IV — начале I тысячелетия до н. э. Географические особенности этих мест, способствовавшие раннему развитию здесь ирригационного земледелия, и связанная с этим видом хозяйства прочная оседлость привели к образованию многослойных археологических памятников, изучение стратиграфии которых помогло бы отчетливо выявить смену археологических культур на протяжении тысячелетий.

Анализ этих археологических материалов обещал дать не только новые сведения по истории материальной культуры древних земледельцев, но и возможность сделать заключения об этапах общественного развития, через которые прошло данное общество. Так как археологические культуры указанной области, по единодушному мнению исследователей, входили в круг древнейших высокоразвитых земледельческих культур Передней Азии, являясь как бы их северным форпостом, история племен, населявших южную подгорную зону Туркмении, в частности их общественный строй, представляет огромный интерес для исторической науки. И не случайно руководство ЮТАКЭ пригласило для проведения этих работ проф. Б. А. Куфтина — крупнейшего знатока переднеазиатских древностей, ученого огромной эрудиции. Безвременная смерть прервала его работы, и в настоящем сборнике публикуется лишь составленный им «Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.» (стр. 260—290). Несмотря на то, что отчет носит предварительный характер, в нем уже намечены основные этапы истории земледельческих племен подгорной полосы, дана краткая характеристика основных исследованных памятников.

Введенная Б. А. Куфтиным в научный оборот периодизация, основанная на изучении стратиграфии холма Намазга-тепе, существенно дополняет принятую до сих пор классификацию культур Анау.

Б. А. Куфтин предостерегает, с одной стороны, от недооценки культурного уровня оседло-земледельческих племен на территории Южной Туркмении в эпоху первобытно-общинного строя, имея в виду прежде всего такой памятник, как Джейтун, население которого, по мнению исследователя, занималось не охотой и собирательством, а мотыжным земледелием и вело в связи с этим оседлый образ жизни (стр. 284). Эти выводы, как известно, подтвердились в последнее время работами В. М. Массона на Джейтуне¹⁰.

С другой стороны, Б. А. Куфтин, опираясь на данные по топографии городища Намазга-тепе и ссылаясь на отсутствие вокруг памятника оборонительных стен, заключает, что в данном обществе не было «явно выраженной социальной или даже значительной имущественной дифференциации» (стр. 284). Нам представляется, однако, что эти факты сами по себе не дают еще оснований для такого заключения, хотя оно, как и весь отчет, и носит предварительный характер.

Раскопки, начатые Б. А. Куфтиным, были успешно продолжены В. М. Массоном, и его статьи в рецензируемом томе подводят некоторые итоги первого этапа работ.

В статье «Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа)» (стр. 233—239) В. М. Массон стремится дать характеристику общественного строя, уровня производительных сил и характера производственных отношений племен, населявших территорию Туркмении в эти периоды. При этом центральное место в статье занимают земледельческие племена юга Туркмении, изучением истории которых автор непосредственно занимался.

Другая статья того же автора под названием «Памятники культуры арханского Дахистана в Юго-Западной Туркмении» (стр. 385—457) посвящена анализу памятников конца бронзового — начала железного века, обнаруженных на Мисрианской рав-

¹⁰ См. В. М. Массон, Джейтун и Кара-депе. Предварительное сообщение об археологических работах на поселениях Джейтун и Кара-депе в 1955 г., «Сов. археология», 1957, № 1, стр. 143—147.

нине. В качестве приложения к данной статье в сборнике помещена заметка В. И. Цалкина «Предварительные результаты определения костей из раскопок Мадауте-тепе, произведенных в 1954 г.» (стр. 459—460).

Третья статья В. М. Массона — «Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина» (стр. 291—373) — является интересным археологическим исследованием, в котором автор, используя керамический материал многослойного памятника Намазга-тепе, последовательно рассматривает сменяющие друг друга археологические культуры, соответствующие определенным этапам исторического развития данного общества. Стремясь показать, что «памятники энеолита и бронзы подгорной полосы Копет-Дага образуют совершенно самостоятельную культурно-историческую область» (стр. 322). В. М. Массон проводит широкие сопоставления керамики Намазга-тепе с керамикой иранских памятников; такого рода анализ дает свежие, интересные данные, позволяющие по-новому поставить вопрос о датировке некоторых из них (слой Гиссар III). С другой стороны, это исследование еще раз и уже на новом материале демонстрирует наличие культурных связей между указанными областями и позволяет В. М. Массону сделать правильное заключение о том, что «на протяжении энеолита и бронзового века Южная Туркмения по сравнению с другими среднеазиатскими областями имела более тесные связи с древнейшими цивилизациями Востока. По существу культуры Анау-Намазга входят в число высокоразвитых культур Ближнего и Среднего Востока IV—III тысячелетий до н. э., образуя северную границу древневосточной земледельческой ойкумены» (стр. 238).

Нельзя не отметить, что во всех указанных статьях В. М. Массона археологическое описание дается в очень четкой и ясной манере, а заключающие каждую статью примечания демонстрируют не только широкую научную эрудицию автора, но и представляют самостоятельный интерес для каждого специалиста, занимающегося древней историей Средней Азии. Текст сопровождается многочисленными иллюстрациями, которые его удачно дополняют, хотя, к сожалению, воспроизведены они технически неудовлетворительно.

Не пересказывая содержания этих статей, которые, помимо всего, дают очень интересный фактический материал, остановимся лишь на некоторых моментах, представляющих нам спорными.

Это, прежде всего, вопрос о времени возникновения классового общества на территории Южной Туркмении.

Для автора, как и для всех, кто занимается историей Средней Азии, совершенно бесспорным является тот факт, что в VIII—VI вв. до н. э. в Средней Азии уже существовали рабовладельческие государства с централизованной властью, которая поддерживала и регулировала мощную ирригационную сеть — базу их хозяйства. Однако процесс образования этих государств происходит всюду по-разному, в зависимости от конкретных исторических условий.

Как и чем был подготовлен переход к государственности в Южной Туркмении? Рассмотрим факты.

«В конце периода Намазга IV (конец III тысячелетия до н. э. — А. В., М. И.) появляется керамика, изготовленная на гончарном круге» (стр. 240).

Следующий хронологический период, представленный слоем Намазга V и датировый первой половиной II тысячелетия до н. э., характерен тем, что уже «почти вся посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения» (стр. 243). На Намазга-тепе, в слое Намазга V, были раскопаны гончарные горны, рядом с которыми обнаружены гончарные шлаки и бракованная посуда (стр. 246), — явные следы ремесленного керамического производства.

В. И. Сариниди, исследовавший специально гончарное производство этого времени на Намазга-тепе, пишет: «Керамические сосуды достигают к этому времени наиболее сложной и вычурной формы, заметно улучшается качество глиняной массы, широко распространяется гончарный круг»¹¹. О ремесленном характере гончарного производства в эпоху Намазга V пишет и А. А. Марушенко¹². Наконец, сам В. М. Массон подчеркивает: «...Наряду с сельским хозяйством, важную роль в занятиях жителей Намазга-тепе играли различные ремесла. Таким было, в первую очередь, гончарное ремесло, использующее гончарный круг и специальные обжигательные печи» (стр. 246).

По мнению А. В. Арциховского, «гончарный круг применялся во всех классовых обществах любой эпохи и никогда не применялся при первобытно-общинном строе. Он проникал только в те страны, в которых на основе местного социального развития возникали ремесла, что, как известно, было тесно связано с классообразованием, являясь его необходимым условием»¹³. В. М. Массон и в рецензируемой статье и в од-

¹¹ В. И. Сариниди, К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана, «Изв. Академии наук Туркменской ССР», 1956, № 6, стр. 67.

¹² См. А. А. Марушенко, Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР», т. II, Ашхабад, 1956, стр. 8.

¹³ А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1955, стр. 100.

ной из своих последних работ¹⁴ оспаривает точку зрения А. В. Арциховского. Однако нам представляется, что наличие гончарного круга и гончарных печей, несомненно, свидетельствует о том, что изготовление керамики перестало быть домашним производством, что им стал специально заниматься какой-то круг лиц, т. е. появились ремесленники. Это неизбежно приводило к появлению прибавочного продукта, наличие которого безусловно свидетельствует о существовании здесь классового общества.

Найденные в слое Намазга V многочисленные глиняные печати свидетельствуют, по мнению В. М. Массона, о развитии, «возможно, и частной собственности» (стр. 247). Для того же периода он допускает и зарождение рабства, полагая, что речь может идти о патриархальном рабстве (там же).

Все указанные факты В. М. Массон суммирует на стр. 247. Он пишет, что «этот высокий уровень развития производительных сил в известной мере не соответствует рамкам первобытнообщинного строя», но тем не менее «все это не позволяет говорить о существовании на территории Южного Туркменистана в это время классового общества. Несмотря на высокий уровень производительных сил, общество еще оставалось первобытнообщинным, хотя и переживало в значительной мере процесс разложения». Одним из основных аргументов в пользу этого положения он, вслед за Б. А. Куфтиным, считает отсутствие на Намазга-тепе оборонительных укреплений. Другим аргументом для него является отсутствие в архитектурных комплексах того времени цитаделей (там же).

Не считая возможным рассматривать сомкнутый ряд домов на Намазга-тепе как вариант укреплений (на той же стр. 247), В. М. Массон, однако, при описании крупных поселений архайического Дахистана отмечает: «... Возможно, что укрепленную линию составляли сомкнутые наружные стены жилых массивов» (стр. 444). Заключение, что цитадели являются «в археологических памятниках одним из верных признаков наличия классового общества» (стр. 247), опровергается самим же автором. Отмечая наличие на таком крупном поселении, как Изат-кули, центрального укрепления (стр. 253), В. М. Массон ставит под сомнение принадлежность его и подобных ему поселений Мисрианской равнины к памятникам классового общества (стр. 445). В другом месте статьи мы читаем, что для городских поселений Хорезма последней четверти I тысячелетия до н. э. цитадели не характерны (стр. 444), но ведь никому не придет в голову сомневаться в том, что в Хорезме в это время уже существовало развитое классовое общество.

Доводы автора не могут быть решающими еще и потому, что огромная площадь Намазга-тепе, несмотря на неоднократно проводившиеся там археологические работы, исследована весьма недостаточно.

Надо учитывать также наличие на территории Южной Туркмении, кроме Намазга-тепе, таких крупных поселений того же времени, как Яссы-тепе у Душака и Алтын-тепе у Меана, которые изучены еще меньше, чем Намазга-тепе. Дальнейшие работы здесь, возможно, дадут целый ряд новых находок, в частности остатки укреплений. Есть основание предполагать, что перед нами очень крупные поселения, возможно городского типа, которые достигли своих размеров именно в этот период бурного развития производительных сил данного общества.

В уже упоминавшейся статье «Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии» В. М. Массон также затрагивает вопрос о времени сложения классового общества в Южной Туркмении¹⁵, подчеркивая, что для решения его особое значение имеет уровень развития ирригационного земледелия. По его мнению, ирригационные системы подгорной полосы, базирующиеся на мелких горных речках и ручьях, не требовали такой затраты труда, как возникшие позднее ирригационные системы в долинах больших рек, а это обстоятельство сильно тормозило якобы переход к классовому обществу. Но ведь возможно, что крупные поселения типа Намазга-тепе, с высокоразвитым земледельческим хозяйством, развитыми ремеслами и значительным населением не могли существовать, используя орошение, основанное только на водах ручьев и небольших речек. Находясь в подгорной полосе, они в то же время были расположены неподалеку от дельты Теджена. Археологические работы в этих районах, конечно, очень затруднены из-за их последующего неоднократного освоения, но, по нашему мнению, специальное изучение здесь древней ирригации могло бы дать интересные результаты.

В дельте Мургаба и в долине Атрека В. М. Массоном исследованы поселения конца II — начала I тысячелетия до н. э., хозяйство которых было основано на каналах, выведенных непосредственно из рек. Это особенно относится к поселениям Мисрианской равнины (Атрек), где каналы хорошо изучены и установлено, что длина их достигала 60—70 км.

Давая в статье «Памятники культуры архайического Дахистана и Юго-Западной Туркмении» подробный анализ этих поселений, В. М. Массон подчеркивает широкое развитие здесь гончарного производства, о чем свидетельствуют, например, «два крупных керамических центра, каждый почти в гектар площадью» (стр. 444) на Изат-кули, и делает предположение об уже происшедшем здесь втором общественном раз-

¹⁴ См. В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 51.

¹⁵ См. там же, стр. 51.

делении труда, характерном для рабовладельческого общества (стр. 445). Более того, он считает, что развитая ирригационная сеть требовала для ухода за ней больших общественных работ, которые могли вначале проводиться общиной (там же), но открывали «широкие возможности для применения труда рабов» (стр. 254).

В другой своей статье «Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии» В. М. Массон замечает, что процесс перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу очень длителен и что в Междуречье от появления гончарного круга до царских гробниц Ура прошло тысячелетие¹⁶. Но если в Южной Туркмении переход к классовому обществу в лучшем случае совершился не раньше начала I тысячелетия до н. э., то образование уже в VIII—VII вв. до н. э. на территории Средней Азии крупных рабовладельческих государств с сильной централизованной властью может показаться маловероятным, так как в этом случае переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу приходится на ничтожный для такого сложного процесса отрезок времени. Кроме того, трудно предположить, что это случилось одновременно на земледельческом Юге, с его очень старыми культурно-историческими традициями и сильными связями с переднеазиатскими цивилизациями, и в Хорезме, являвшемся в те времена «варварской» степной периферией Юга.

Мы ни в коей мере не являемся сторонниками поспешного и непродуманного решения этой сложной проблемы. Нам представляется, что имеющиеся факты использованы В. М. Массоном несколько односторонне. Здесь все же следует рассматривать все предпосылки перехода от первобытного к классовому обществу и весь сложный процесс этого перехода в целом, а не в отдельных лишь его проявлениях. Тогда мы не сможем не прийти к заключению, что формирование классового общества в Южной Туркмении произошло, видимо, в период Намазга V, т. е. в первой половине II тысячелетия до н. э. Нам кажется, что если в данном случае В. М. Массон проявляет излишнюю осторожность, то в другом случае он делает несколько поспешные заключения.

Отмечая, что переход к скотоводству, которое являлось ведущей отраслью хозяйства у племен Северной Туркмении, привел к крупным изменениям внутри рода, В. М. Массон пишет: «Материнское право было заменено отцовским, матриархальный род превратился в патриархальный» (стр. 242). В то же время «в Южной Туркмении на основе общего развития производительных сил матриархат также сменяется патриархатом, хотя время этой смены еще окончательно не установлено» (там же). Успехи в области земледелия и развитие металлургического и гончарного дела, появление гончарного круга — все это «явилось предпосылкой для смены матриархального рода патриархальным», причем процесс этот, видимо, завершился «во время Намазга III и IV» (там же), т. е. к концу III тысячелетия до н. э.

Нам хотелось бы в этой связи напомнить высказывание С. П. Толстова о том, что патриархальный род не является обязательной последней стадией родового строя и что переход к классовому обществу возможен и со ступени материнского рода¹⁷.

В качестве одного из примеров С. П. Толстов приводит африканские государства типа Ашанти и Дагоме, где деспотическая монархическая власть сочеталась «с материнским родом, матриархальной домовою общиной и с сильными элементами гинекократии»¹⁸. С другой стороны, он указывает, что кочевое скотоводство у туарегов, при наличии в их обществе резкого классового расслоения, сочетается с устойчивой материнско-родовой организацией¹⁹. Эти и многие другие этнографические примеры говорят о том, что решение о наличии матриархальной или патриархальной родовой организации в том или ином обществе следует принимать с большой осторожностью, базируясь лишь на бесспорных фактах.

Историю племен, населявших северную степную часть Туркмении в эпоху неолита и бронзы, В. М. Массон рисует лишь в самых общих чертах. Правильно характеризуя эти культуры и справедливо указывая на вероятное продвижение северных степных племен в конце II тысячелетия до н. э. на юг, В. М. Массон допускает отдельные неточности. Так, он именует их носителями тазабэгьябско-андроновской культуры (стр. 251), вводя термин, который нам представляется крайне неудачным.

Если племена — носители андроновской культуры, наряду с племенами, оставившими памятники срубной культуры, и участвовали в формировании тазабэгьябской культуры, это вовсе не значит, что андроновская культура в чистом виде проникала, вместе с тазабэгьябской, так далеко на юг. Грубая лепная керамика степняков с резным или штампованным геометрическим орнаментом, находящаяся на юге Туркмении в самостоятельных комплексах или вместе с керамикой земледельческих племен, сделанной на кругу, принадлежит носителям тазабэгьябской культуры, с одной стороны, и носителям так называемой позднесуярганской культуры — с другой. По-видимому, такое движение северных племен на юг происходило дважды: в середине II тысячелетия до н. э. (тазабэгьябская культура) и в конце II — самом начале I тысячелетия до н. э. (позднесуярганская культура). Наряду с заселением дельты Мургаба южными земледельческими племенами во второй половине II тысячелетия до н. э.,

¹⁶ См. В. М. Массон, Указ. раб., стр. 51.

¹⁷ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

возможно, происходило и заселение ее с севера скотоводческими племенами, о чем свидетельствуют находки упомянутой выше лепной керамики (поселения Тахирбай-3, Аучин-тепе и др.).

Статья А. Ф. Ганялина «Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала», помещенная в рецензируемом сборнике (стр. 374—384), посвящена описанию могильника, датированного второй половиной II тысячелетия до н. э. Автор весьма добросовестно описывает условия находки могильника, но как только он переходит к описанию материала, начинается путаница. Так, совершенно непонятно, в каком стратиграфическом отношении находятся могильник и подстилающий его культурный слой (см. стр. 376). При описании керамики автор не приводит для нее никаких аналогий, кроме материала с Теккем-тепе, а ведь помещенная в этом же издании статья В. М. Массона о керамике Намазга-тепе могла быть с успехом использована автором. Кроме того, в тексте нет ссылок на таблицу керамики (стр. 381, рис. 4), что затрудняет чтение. В примечаниях к статье 14 библиографических ссылок, а в тексте их только 10, и они не совпадают с нумерацией в примечаниях. Таким образом, пользование научным аппаратом более чем затруднено. Наконец, выводы статьи касаются не Янгикалинского могильника, которому, судя по названию, посвящена статья, а археологических материалов Теккем-тепе, добытых автором при его раскопках. Подводя итог, эту публикацию материалов могильника приходится признать неудачной; это тем более жаль, что весь сборник написан хорошо, в единой манере, хорошим языком и данная статья вносит явный диссонанс.

* *
*

В заключение нам хотелось бы еще раз отметить, что публикация работ ЮТАКЭ в рецензируемом сборнике представляет большой интерес как по количеству собранных новых фактов, так и по постановке больших исторических проблем. Насколько нам известно, экспедиция успешно продолжает работы в этой области, и все работающие по истории первобытной культуры Средней Азии с нетерпением ждут дальнейших публикаций.

А. В. Виноградов, М. А. Итина

Jean-Paul Lebeuf. *Application de l'ethnologie à l'assistance sanitaire*. Université libre de Bruxelles. Institut de sociologie Solvay. Etudes coloniales. Fascicule IV. [Bruxelles], 1957, 86 стр.

Основу рецензируемой работы составляют материалы, собранные автором — консультантом Бюро Африки Всемирной организации охраны здоровья по поручению этого Бюро. Некоторые разделы работы были использованы автором в его лекциях, прочитанных в Яунде (Французский Камерун) в 1955 г. для африканских, английских, испанских, французских, итальянских и португальских врачей.

Жань-Поль Лебеф, французский африканист, известный своими исследованиями культуры народов области Чад, использовал в своей деятельности при ООН личный опыт полевого этнографа, а также опыт своих коллег — этнографов и медиков, работающих при ООН и других международных организациях, — Альфреда Метро, Джорджа М. Фостера, Брокэ и Отре, П. Доролы и других. Привлечены и неизданные материалы, например доклад д-ра Дж. Карефа-Смарт («Западноафриканская деревня и ее проблемы»), прочитанный им на конференции в Аккре в 1953 г., и ряд других.

Задача рецензируемой брошюры — показать, какую значительную помощь может оказать использование этнографии в интересах охраны здоровья и поднятия уровня гигиены у народов слаборазвитых стран, этого, говоря словами автора, «служения великому делу всечеловеческой солидарности» (стр. 82). В качестве эпиграфа к своей книжке Лебеф приводит слова П. Доролы, директора Всемирной организации охраны здоровья: «Дело поднятия уровня здоровья не может быть дальше только монополией медика, гигиениста и их сотрудников. Сегодня общепризнана необходимость участия в этом деле также и этнографа» (стр. 23).

Лебеф показывает, почему многие медико-санитарные мероприятия не имели успеха среди населения колониальных и полуколониальных стран: врачи предлагали эти мероприятия в форме, принятой у европейских народов, но чуждой местному населению. В таких случаях вмешательство этнографов неизменно оказывало серьезную помощь. Особенно важно внимание к местным обычаям и традициям в подходе к женщинам и детям. Например, у некоторых народов женщины избегали родильного дома, потому что, по их верованиям, плацента должна быть зарыта в землю, новорожденный должен быть положен прямо на землю, и роженица должна питаться определенными, принятыми традицией, кушаньями. Тогда при содействии этнографов были установлены соответствующие порядки: плаценту разрешено забирать родственникам, им же